

Сергей Патрушев

Её Талия Аномалия

Сергей Патрушев
Её Талия Аномалия

«Автор»

2026

Патрушев С.

Её Талия Аномалия / С. Патрушев — «Автор», 2026

Он — успешный бизнесмен, привыкший просчитывать каждый шаг и не верить никому. Она — архитектор-реставратор, влюблённая в старину и умеющая видеть красоту в разрушенном. Их случайная встреча в грозу на горной дороге перевернула всё. Арсений, десять лет назад преданный и растоптанный бывшей невестой, поклялся себе никогда больше не подпускать никого близко к сердцу. Но Алиса, с её чайными глазами и умением слушать тишину, сумела разрушить его броню. Теперь они готовятся к свадьбе, и весь мир, кажется, затаил дыхание, глядя на их счастье. Но прошлое не уходит без боя. Зависть окружающих, грязные сплетни, внезапное возвращение женщины, сломавшей ему жизнь когда-то, и собственные страхи Арсения — всё это встаёт на пути их любви. Сможет ли он поверить в неё до конца? Сможет ли она отстаивать их право на счастье? Это история о том, что настоящая любовь не боится аномалий, ведь она сама — самая главная аномалия в мире расчёта и цинизма.

© Патрушев С., 2026

© Автор, 2026

Сергей Патрушев

Её Талия Аномалия

Глава первая. Утро, которое всё изменило

Солнце ещё только лениво поднималось над горизонтом, окрашивая верхушки сосен в мягкий розовато-золотой свет, когда Арсений понял, что сегодняшнее утро не будет похоже ни на одно другое. Он стоял на пороге старой, выдавшей виды террасы, опираясь плечом на деревянный косяк, и вглядывался в туман, стелющийся над поверхностью озера. Воздух был пропитан той особенной, кристальной тишиной, какая бывает только ранней осенью, когда ночи уже холодны, а дни ещё полны прощального тепла уходящего лета. Эта тишина казалась почти осязаемой, густой, как патока, и в ней тонули все посторонние мысли, оставляя только одну, пульсирующую где-то глубоко внутри, настойчивую и ясную. Мысль, которая родилась не сегодня и даже не вчера. Она зрела в нём долгие месяцы, терпеливо, как зреет зерно в земле, ожидая своего часа.

Он перевёл взгляд с озера на коробочку, которую сжимал в руке. Маленькую, обтянутую тёмно-синим бархатом, с едва заметной потёртостью на уголке. Коробочка была тёплой от его ладони, и он чувствовал её вес, совершенно несоразмерный физическому. В ней, под тонким слоем бархата и атласа, лежало кольцо. Не простое украшение, а вещь с историей, пропитанная памятью нескольких поколений его семьи. Тонкий ободок из белого золота, плавно переходящий в ажурное сплетение лепестков, держащих в своей сердцевине небольшой, но удивительно чистый, живой бриллиант. Кольцо его прабабки, которое дед, уходя на фронт, надел на палец своей невесте, пообещав вернуться. И он вернулся. Потом его надел отец, делая предложение маме в этом самом доме, на этом самом озере, в такой же пронзительно-тихий осенний день. Теперь настала его очередь.

Арсений усмехнулся сам себе. В свои тридцать четыре он привык всё в жизни планировать. Он строил бизнес, просчитывал риски, заключал сделки, где на кону стояли миллионы. В его мире не было места случайностям, только точный расчёт и холодная голова. Таким он был на деловых переговорах, таким его знали партнёры и конкуренты — жёстким, прагматичным, умеющим добиваться своего. Но вся эта броня, стальной каркас его личности, рассыпалась в прах, когда дело касалось Алисы. С ней он становился самим собой — двадцатилетним мальчишкой, способным на глупости, сомневающимся и до дрожи в коленях боящимся одного единственного слова «нет». Он провёл сотню сложнейших операций, но ни одна из них не стоила ему такого нервного напряжения, как одна простая мысль, пульсирующая сейчас в висках: «А вдруг она откажет?»

Он снова посмотрел на коробочку, словно советуясь с ней. Открыл. Бриллиант поймал первый луч солнца, пробившийся сквозь сосны, и вспыхнул холодным, ослепительным огнём. Арсений закрыл глаза, и перед его внутренним взором пронеслась вся их история. Их знакомство, такое нелепое и случайное, что это не могло быть просто совпадением. Гроза, заставшая его врасплох на горной дороге, заглухший двигатель, и внезапно — её машина, остановившаяся рядом, словно ковчег спасения. Он тогда промок до нитки, был зол на весь мир и совершенно не расположен к знакомствам. Но она вышла из своего старенького «Фольксвагена», раскрыла над ним зонт, и её глаза, цвета густого чая с мятой, посмотрели на него с таким искренним участием, что вся его злость моментально испарилась. Она тогда улыбнулась, и от этой улыбки, как ему показалось, даже тучи немного разошлись.

Потом была их первая поездка, долгий разговор ни о чём и обо всём сразу, когда слова рождались сами собой, без напряжения и фальши, как дыхание. Он помнил каждую секунду того вечера: запах мокрой листвы и её духов, смех, дребезжание старого приёмника в её машине, и чувство абсолютного, вселенского покоя, которое он испытал впервые за много лет. Для человека, привыкшего к постоянному движению, к прессингу и многозадачности, это состояние было сродни откровению. Он тогда подумал: «Вот оно. То, чего я так долго искал, сам того не зная».

А потом были долгие месяцы узнавания. Месяцы, наполненные теплом и светом, которые она принесла в его жизнь. Она была совершенно другой, не из его мира. Архитектор-реставратор, фанатично влюблённый в старые здания, в кирпичную кладку вековой давности, в лепнину и деревянные балки, на которых ещё можно разглядеть следы топора. Пока он витал в цифровых облаках, в абстракциях финансовых потоков, она работала руками, возрождая из руин прошлое, давая новую жизнь тому, что, казалось, уже утрачено навсегда. И в этом было что-то символичное, что-то, что перекликалось с его собственной душой, изрядно потрепанной в погоне за успехом. Рядом с ней он сам чувствовал себя старинной фреской, которую наконец-то начали бережно расчищать от копоти и поздних наслоений, открывая истинную, первозданную красоту.

Он вспомнил их первую ссору. Глупую, из-за какой-то ерунды, когда он задержался на совещании и не предупредил её, а она прождала два часа в ресторане. Она не кричала, не закатывала истерику. Она просто посмотрела на него, и в её глазах цвета чая была не обида, а разочарование. И это было в сто раз больше. Он тогда готов был провалиться сквозь землю. Именно в тот момент он понял, что она стала центром его вселенной, и любое его действие, слово, поступок отныне соизмеряется с тем, как это отразится на ней. Он купил огромный букет её любимых белых пионов, которых в ноябре днём с огнём не сыщешь, нашёл её в её мастерской, где она, перепачканная штукатуркой, корпела над чертежами, и просто молча встал на колени прямо посреди мусора и старых досок. Она сначала удивлённо подняла брови, а потом тихо рассмеялась, подошла и взъерошила ему волосы своей испачканной рукой. И весь мир снова встал на свои места.

С тех пор прошло два года. Два года, наполненных её смехом, её утренней кашей, которая всегда немного пригорала, её привычкой петь в душе, её внезапными поездками в какую-нибудь глушь ради полуразрушенной церквушки, её умением слушать тишину. Она научила его останавливаться и смотреть по сторонам. Она показала ему, что жизнь — это не бесконечная гонка за прибылью и статусом, а тонкая материя из простых, но бесценных моментов. Из чашки чая на веранде, из запаха скошенной травы, из заката, раскрашивающего небо над озером, из уютного молчания, когда слова не нужны. Именно этого молчания ему катастрофически не хватало всю его прошлую, «успешную» жизнь.

Скрипнула дверь за его спиной. Арсений вздрогнул от неожиданности и инстинктивно спрятал коробочку в карман домашних брюк. Сердце пропустило удар, а затем забило где-то в горле. Он обернулся. На пороге, кутаясь в старый клетчатый плед, стояла Алиса. Её волосы, цвета тёмного мёда, были растрёпаны после сна, а в глазах ещё плавали остатки утренней дрёмы. Она была без макияжа, в его старой, несуразно большой футболке, и всё равно оставалась самой красивой женщиной на свете. Он мог смотреть на неё бесконечно, замечая каждый раз что-то новое. Тонкую линию губ, сейчас тронутых лёгкой, вопросительной улыбкой.

Едва заметную россыпь веснушек на переносице, которые проявлялись только к концу лета. Нежную голубизну вен на запястье.

— Ты чего так рано? — спросила она сонным голосом, слегка охрипшим. — Я проснулась, а тебя нет. Замёрз?

Она подошла ближе и, не дожидаясь ответа, обвила его руками, прижимаясь всем телом и укутывая их обоих пледом. От неё пахло теплом, сном и чем-то родным, непередаваемо уютным. Арсений обнял её в ответ, прижимая к себе так крепко, словно боялся, что она может раствориться в этом утреннем тумане. Он уткнулся носом в её макушку, вдыхая этот запах, и закрыл глаза. Все заготовленные слова, все красивые речи, которые он репетировал перед зеркалом несколько дней, вмиг вылетели из головы. Осталось только оглушительное чувство любви и страха — страха потерять это, не справиться, оказаться недостойным.

— Не замёрз, — прошептал он, целуя её в висок. — Просто думал.

— О чём? — её голос звучал тихо и доверчиво. — О мировом господстве? О новом слиянии и поглощении?

Она легонько улыбнулась, и он почувствовал это движение её щеки. Она всегда немного подшучивала над его работой, называя её «играми большого мальчика», и в этих шутках было столько любви, что он никогда не обижался.

— Нет, — ответил он, чувствуя, как бешено колотится его сердце. Он боялся, что она услышит. — О другом. О том, что я не знаю, что бы я делал без тебя.

Она чуть отстранилась, чтобы заглянуть ему в глаза. Взгляд её стал серьёзным и изучающим. Она всегда видела его насквозь, чувствовала малейшие перемены настроения. Он никогда не мог ничего от неё скрыть, и это было одновременно и прекрасно, и пугающе.

— Что-то случилось, Арс? — спросила она, и её ладонь легла на его щеку. Прикосновение было прохладным, и он невольно прильнул к нему.

— Нет, — он попытался улыбнуться, но улыбка вышла напряжённой. — Всё в порядке. Просто я смотрел на озеро и думал о том, как всё в нашей жизни хрупко и удивительно. О том, что некоторые решения меняют всё.

Алиса ничего не ответила. Она просто продолжала смотреть на него, ожидая продолжения. И в этом было всё её существо — она никогда не давила, не требовала, не вытаскивала слова клещами. Она умела ждать, создавая пространство тишины, в которое слова приходили сами. Солнце поднялось уже выше, и его лучи, пробившись сквозь кроны сосен, залили террасу мягким золотым светом. В этом свете её глаза казались совершенно прозрачными, наполненными изнутри тихим сиянием. И в эту секунду он понял — вот он, момент. Другого не будет. Лучшего не придумаешь. Вселенная выстроилась в идеальную композицию: озеро, рассвет, тишина и её глаза.

Не разрывая зрительного контакта, он медленно, словно в замедленной съёмке, полез в карман. Пальцы сомкнулись на бархатной коробочке. Алиса нахмурилась, не понимая, что происходит, но в её глазах уже зарождалась догадка, от которой её зрачки начали расширяться.

Он сделал шаг назад, выходя из её объятий. Холодный утренний воздух тут же устремился в образовавшееся пространство, но Арсений его не чувствовал. Весь мир сузился до размера этой маленькой сцены на старой деревянной террасе.

Одним плавным, но решительным движением он опустился перед ней на одно колено. Доски под ним едва слышно скрипнули. Алиса ахнула и прижала обе ладони к лицу, закусив губу. Плед соскользнул с её плеч и мягко упал к её ногам, но она, казалось, этого даже не заметила. Она смотрела на него во все глаза, и в этом взгляде было всё: неверие, восторг, наворачивающиеся слёзы и огромная, чистая любовь, которая, как солнечный луч, прожгла его насквозь. Он поднял к ней коробочку и открыл её. Бриллиант снова поймал свет, но на этот раз его сияние было ничем по сравнению с тем светом, который шёл из её глаз.

Вдох. Выдох. Голос, который должен был звучать уверенно и мужественно, предательски дрогнул. Все его планы, все заученные фразы провалились в бездну. Он понял, что единственное, что он может сейчас сказать, — это ту самую, не придуманную, а прожитую в сотне бессонных ночей фразу, в которой было сконцентрировано всё его будущее, весь его мир и весь смысл его жизни. Потому что без неё всё это не имело бы ровным счётом никакого значения. И он спросил, и в этом вопросе было столько надежды и страха, сколько он не испытывал никогда в жизни. Простой вопрос, от ответа на который зависело абсолютно всё. Её имя сорвалось с его губ горячим шёпотом, сливаясь с утренним туманом, и он, глядя ей прямо в душу, наконец произнёс те самые слова, которые в одночасье перевернули его вселенную:

— Будешь ли ты моей женой?

Глава вторая. Свет в городских лабиринтах

Ответ на его вопрос повис в воздухе, растворился в запахе сосен и озерной воды, и теперь, спустя три дня, Арсений всё ещё не мог поверить, что это произошло на самом деле. Она не сказала «да». Она сделала нечто лучшее, нечто, свойственное только ей одной. Она опустилась рядом с ним на колени прямо на холодные доски террасы, не обращая внимания на плед, на холод, на весь окружающий мир, взяла его лицо в свои ладони, и он увидел в её глазах целую вселенную, наполненную слезами счастья. А потом она поцеловала его. Так, как не целовала никогда прежде. В этом поцелуе был и ответ, и обещание, и вся её душа, раскрытая перед ним без остатка. И когда они наконец отстранились друг от друга, задыхающиеся и совершенно счастливые, она прошептала, касаясь губами его уха: «Я уже два года как твоя жена. Просто ты решил оформить это официально только сейчас». И они рассмеялись, сами не зная почему, просто потому что счастье переполняло их и рвалось наружу.

Теперь же наступило утро понедельника, и большая, шумная, вечно спешащая Москва готовилась принять их обратно в свои объятия. Трёхдневное затворничество в старом доме у озера закончилось, и они возвращались. Арсений сидел за рулём, периодически бросая взгляды на Алису, которая, уютно устроившись на пассажирском сиденье, смотрела на пролетающие за окном подмосковные пейзажи. Её рука лежала на его колене, и он чувствовал тепло её пальцев даже сквозь плотную ткань джинсов. На безымянном пальце её левой руки, словно маленькая звезда, сияло кольцо. Оно село идеально, будто его делали специально для её тонких, музыкальных пальцев, и Арсений каждый раз, глядя на него, испытывал ни с чем не сравнимое, совершенно первобытное чувство гордости собственника. Она была его невестой. И скоро станет его женой.

— О чём задумался? — спросила Алиса, не поворачивая головы. Она всегда чувствовала, когда его мысли улетали куда-то далеко.

— О том, что мне придётся делить тебя с городом, — усмехнулся он. — Там, у озера, ты была только моя. А здесь у тебя работа, проекты, вечно обваливающаяся штукатурка в каком-нибудь особняке восемнадцатого века и толпа коллег-архитекторов, которые смотрят на тебя щенячьими глазами.

— Арс, — она наконец повернулась к нему, и в её глазах заплясали бесенята. — Ты же знаешь, что кроме тебя и обваливающейся штукатурки меня в этой жизни никто не интересуется. В такой последовательности.

Он засмеялся. Она умела снимать любое его напряжение одной фразой. Но глубоко внутри он знал, что в его шутке была лишь доля шутки. Алиса действительно обладала каким-то магнетическим притяжением, которое действовало на всех без исключения. И он не мог дожидаться того момента, когда она официально возьмёт его фамилию, словно это могло поставить некую метку, видимую всему миру: она — его, а он — её, и это навсегда.

Когда они въехали в город, утреннее солнце уже разогнало остатки тумана, и Москва предстала перед ними во всей своей величественной суете. Потоки машин, спешащие пешеходы, уличные музыканты, настраивающие инструменты в подземных переходах, запах свежей выпечки из открытых дверей кофеен, смешанный с бензиновыми выхлопами. После тишины озера этот шум оглушал, но в нём была своя, узнаваемая музыка жизни. Арсений припарковал машину в переулке недалеко от Арбата. Алисе нужно было заехать в свою мастерскую, забрать какие-то важные документы для нового проекта по реставрации старинной усадьбы на Пречистенке, а потом они планировали вместе пообедать и начать обсуждать детали свадьбы. Сама мысль о том, что они будут обсуждать свадьбу, всё ещё казалась ему сюрреалистичной.

— Я на пять минут, — сказала Алиса, легко целуя его в щёку и выпархивая из машины. — Подождёшь здесь?

— У тебя пять минут, — шутливо строгим тоном ответил он. — Иначе я пойду вытаскивать тебя из твоей мастерской силой.

Она махнула рукой и скрылась за массивной деревянной дверью старого особняка, в котором располагалась её архитектурная студия. Арсений откинулся на спинку сиденья и прикрыл глаза. Пять минут. Он мог бы проверить почту, просмотреть сводки с биржи, но вместо этого он просто сидел и глупо улыбался, прокручивая в голове мгновения их утра у озера. Тишина. Туман. Её глаза.

Но через минуту его отвлек какой-то непонятный шум с улицы. Сначала это был просто гул, обычный городской шум. Затем он начал усиливаться и приобретать какой-то новый оттенок. Это был не гул машин и не стрёкот отбойных молотков. Это был гул человеческих голосов, оживлённых и восхищённых, перемежающийся с восклицаниями и даже, как ему показалось, аплодисментами. Арсений нахмурился и открыл глаза. Он выглянул в окно, пытаясь понять, что происходит. Переулок, обычно тихий и полупустой в это время дня, был полон людей. Они останавливались, оборачивались, что-то показывали друг другу руками в сторону двери, из которой только что вышла Алиса. Уличный фотограф, обычно снимающий туристов на фоне старых стен, забыл про свой фотоаппарат и просто стоял с открытым ртом. Бариста из соседней кофейни выбежал на порог с тряпкой в руке и застыл, превратившись в соляной столп. Даже, казалось, вечно спешащие люди в деловых костюмах замедлили свой шаг, не в силах оторвать взгляд.

Арсений ничего не понимал. Сердце забилося чаще от смутного предчувствия. Он быстро отстегнул ремень безопасности и вышел из машины. И тут он увидел её.

Дверь мастерской распахнулась, и на пороге появилась Алиса. Но это была не та Алиса, которая пять минут назад, сонная и немного помятая после долгой дороги, в простых джинсах и его старой футболке, вышла из машины. Это была совершенно другая женщина. Или, возможно, это была она настоящая, просто сейчас в ней что-то включилось, что-то зажглось изнутри, и этот внутренний свет, пробиваясь наружу, ослепил всех, кто имел счастье находиться поблизости.

Она переделалась. На ней было лёгкое летнее платье, которое он никогда раньше не видел. Цвета топлёного молока, с едва заметными кремовыми кружевами по подолу и рукавам-фонарикам. Оно сидело на ней так, словно было сшито ангелами на небесах специально для этого момента. Её волосы, которые ещё час назад были небрежно собраны в пучок, теперь мягкими, золотисто-медовыми волнами спадали на плечи, и в них играло солнце, создавая вокруг её головы настоящий нимб. Лёгкий румянец тронул её щёки, а губы, тронутые полупрозрачным блеском, сияли, как утренняя роса. Но главное — это были не одежда и не причёска. Главным была она сама. Какая-то новая, невероятная грация, которая появилась в её движениях. Осознание собственной красоты и женственности, которое пришло к ней вместе с кольцом на пальце. Она больше не была просто талантливым архитектором, увлечённым своими проектами. Она была невестой, любимой женщиной, и это наполняло её такой энергией, таким сиянием, что оно физически ощущалось в воздухе.

Она сделала шаг по тротуару, и, казалось, сам асфальт под её ногами превратился в красную ковровую дорожку. Молодой человек на велосипеде, проезжавший мимо, настолько засмотрелся, что въехал в фонарный столб, но даже не обратил на это внимания, продолжая пожирать её глазами. Пожилая дама с болонкой остановилась и, прижав руки к груди, прошептала что-то одобрительное. Алиса, казалось, не замечала этого ажиотажа. Она просто шла к машине, к нему, с лёгкой улыбкой на лице. Но именно эта её неосознанность, эта естественность и делали всё происходящее таким магическим. Если бы она старалась, если бы она намеренно позировала или кокетничала, это было бы пошло. Но она просто была собой, просто была счастлива, и это счастье лилось через край, затапливая всю улицу своим золотым светом.

Арсений стоял, прислонившись к капоту машины, и смотрел на неё, забыв, как дышать. В его груди разрастался горячий шар, смесь гордости, любви, восторга и легкого, совсем крошечного страха. Весь мир сейчас, здесь, в этом узком московском переулке, смотрел на ЕГО женщину. И он был первым, кто ей завладел. Он чувствовал себя пиратом, который нашёл самое драгоценное сокровище на земле, и теперь вёз его домой, провожаемый завистливыми взглядами всей команды. Она шла, и её походка была похожа на музыку. Каждый шаг отдавался у него в сердце глухим, мощным ударом. Ветер, случайно залетевший в переулок, подхватил прядь её волос и бросил ей на лицо. Она грациозным, неуловимым движением заправила её за ухо, и несколько человек вокруг одновременно вздохнули.

Когда она наконец подошла, он всё ещё не мог вымолвить ни слова. Он просто смотрел на неё во все глаза, и, наверное, выражение его лица было настолько красноречивым, что она слегка смутилась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.